

Тезисы докладов
V Международной конференции «Фантастическое в литературе и культуре» Фантастическая литература: теория и практика воображения
(3–5 марта 2026 года, ИМЛИ РАН)

А.О. Белякова (Москва)

Метафизика в романе Э. Сиксу «Внутри»

Данный доклад посвящён анализу метафизических аспектов в романе Элен Сиксу «Внутри» ('Dedans'). Основное внимание уделяется ключевым для произведения категориям: призрачному образу отца, смерти, Богу, травме и их связи с письмом. Исследуется, как утрата отца в детстве становится для рассказчицы центральным травматическим опытом, который порождает письмо и определяет его структуру.

Рассматривается специфическое внутреннее пространство романа, где стираются границы между жизнью и смертью, внутренним и внешним, реальным и воображаемым. Особый акцент делается на фигуре отца-призрака, который преодолевает смерть благодаря неподвластной ей связи с героиней и выступает источником языка. Анализируется, как письмо становится для Сиксу инструментом преодоления смерти, способом запечатлеть любимых навсегда живыми.

Также в докладе раскрывается, как лингвистические эксперименты, многоязычие и неологизмы отражают процесс поиска идентичности и преодоления травмы. В заключение делается вывод о том, что метафизика в романе не абстрактна, а глубоко укоренена в личном переживании утраты и находит своё выражение в уникальной поэтике Сиксу.

Белякова А.О., НИУ ВШЭ, студентка 4 курса ОП «Филология»
E-mail: aobelyakova@edu.hse.ru

А.Л. Гумерова (Москва)

Зарождение фэнтези: «правда мифа на священном месте»

Термин «Правда мифа на священном месте» взят из статьи Анциферова «Историческая наука как одна из форм борьбы за вечность»: «Так поэт на священном месте утверждает правду мифа». Анциферов говорит о легенде места, которая может считаться истинным событием истории и человеческой памяти, даже если непосредственных доказательств самих этих событий нет. В ранней литературе фэнтези отношение к локусу менялось: далеко не всегда произведение фэнтези строилось вокруг некоего определенного локуса, реального или вымышленного. Однако «по соседству», используя выражение А.В. Михайлова, с литературой раннего фэнтези, существовали и произведения, построенные вокруг некоего мистического опыта, переживаемого героями в

священных местах или местах памяти, и их преобразования после такого опыта; и в фэнтези второй половины XX века, т.н. «фэнтези после Толкина», эта тема проявилась наряду с другими привычными нам характеристиками фэнтези.

Гумерова А.Л., к.ф.н., с.н.с. отдела теории литературы ИМЛИ РАН
E-mail: gratia4@yandex.ru

Е.В. Дворниченко (Москва)

Вторичная фантастическая реальность в романах А.Грея «Ланарк» и «Бедные-Несчастные»

Вторичная реальность в творчестве шотландского писателя Аласдера Грея (1934–2019) — сплав узнаваемого и воображаемого, часто отражает известную читателю действительность, позволяя (пере)осмыслить различные аспекты современной читателю жизни.

В романе «Ланарк» (1981) А.Грей создает раздвоенный мир, где воображаемая реальность является продолжением действительной, но находится в параллельном, потустороннем пространстве «кошмарного» Глазго, куда герой попадает по собственной воле и сталкивается с теми же социальными конфликтами и подавлением личности. Вторичный мир — внутренний ландшафт героя и метакомментарий автора о природе художественной реальности, книга внутри книги.

«Бедные-несчастные» (1992) погружают читателя в альтернативное викторианство и два рассказа о воскрешении-сотворении женщины путем пересадки мозга младенца матери-утопленнице. Существо учится говорить, любить, принимать решения и обретает себя, свой язык. Вторичная реальность строится из псевдо-мемуаров, дневников путешественника, писем и комментариев персонажей, редакторов и автора с помощью карикатуры и гротеска, она сама текст, служащий идеологической проекцией, в нем раскрываются механизмы власти, проблемы идентичности, свободы личности, социальной роли женщины. Читатель сам решает, чья версия истории достовернее.

Фантастическое проявляет двойственную природу литературы, способной творить миры, но создающей множество противоречивых и недостоверных нарративов, бесконечно переписывая историю.

Дворниченко Е.В., кандидат исторических наук, доцент РГУ им. А.Н. Косыгина

E-mail: craveiros@yandex.com

Н.В. Захарова (Москва)

Вымышленный мир в китайской прозе эпохи Цин (от новелл Пу Сунлина к роману Ши Юйкуня «Трое храбрых, пятеро справедливых»)

В собрание Пу Сунлина (蒲松龄, 1740-1815) «Ляо Чжай чжи и» («聊斋志异», «Странные истории из Кабинета Неудачника») вошли повествования о необыкновенных приключениях небожителей, попавших в мир людей, истории о судебных расследованиях. Героями новелл становятся духи и призраки, лисы, ожившие мертвецы, в том числе и судебные чиновники.

В новелле «Прокурор Лу» студент Ли пригласил к себе на ужин деревянное изваяние прокурора из кумирни. Прокурор Лу является из загробного царства и совершает чудеса.

Иллюзорный мир становится фоном происходящего и в романе «Жизнеописание троих храбрых, пятерых справедливых» («三个勇敢, 五个正义») — записях выступлений известного пекинского сказителя Ши Юйкуня (石玉坤, ок. 1797 — ок. 1879 г.), насыщенном элементами фантастики и мистицизма. Это и сюжет с черными тазами, сделанными из пепла убитых и сожженных невинных людей, души которых переселились в тазы и требуют отмщения; волшебное изголовье, заснув на котором герои оказываются в потустороннем мире и встречаются с божествами; и переселение душ после убийства в трупы других людей.

Вымышленный мир был нужен Пу Сунлину и Ши Юйкуню для придания завлекательности повествованию, для привлечения читателей новелл и слушателей сказов.

Захарова Н.В., д.ф.н., ИМЛИ РАН им. А.М. Горького

E-mail: radaeva2002@gmail.com

Е.А. Иванова (Саратов)

Границы творческой фантазии и законы творчества в произведениях детского и подросткового фэнтези (на примерах произведений М. Энде, К. Функе, М. Глейзер, В. Мёрса и М. Харрисон)

В литературе фэнтези нередки герои, которые являются страстными читателями или авторами внутритекстовых произведений. Особенно характерно это для немецкого фэнтези, самым известным произведением которого является «Бесконечная книга» М. Энде, но проявляется и в ряде современных англоязычных произведений. При этом особенности фантастических допущений могут позволять таким героям вступать в непосредственный контакт с созданиями своей фантазии и влиять с её помощью на окружающую реальность. Однако при этом они неизбежно сталкиваются с

сложностями и ограничениями или неожиданными последствиями своих действий. Так происходит с героями «Бесконечной истории» М. Энде, «Чернильной трилогии» К. Функе, ««Эммы, фавна и потерянной книги» М. Глейзер, «Другой Элис» М. Харрисон. Анализ этих произведений показал, что идея принципиальной безграничности человеческой фантазии сочетается в них с представлением об ограниченности понимания конкретного героя-сочинителя, который не может выйти за рамки собственных предрассудков, желаний и страхов, что в большинстве случаев приводит его к краху. Единственным исключением является роман В. Мёрса «Город мечтающих книг», который обращается к традиционной идее божественного вдохновения и демонстрирует успех героя-писателя, действующего в гармонии с высшей силой, однако делает это в откровенно пародийно-комическом ключе.

Иванова Е.А., к.ф.н., доцент кафедры гуманитарных дисциплин Саратовской государственной консерватории им. Л.В. Собинова

Email: elivan1988@gmail.com

Б.В. Ковалев (Санкт-Петербург)

Магический реализм, чудесная реальность, фантастическая литература

к проблеме разграничения

В докладе анализируется ряд подходов к разграничению понятий «магический реализм», «чудесная реальность» и «фантастическая литература». Особое внимание уделяется концепциям А.Ф. Кофмана [Кофман 1990], А. Льярены [Llarena 1997], М. Шеффель [Scheffel 1990], Д.Л. Шоу [Shaw 1981]. Намечается две линии размежевания: европейская традиция фантастической литературы, восходящая к готическому роману и литературе романтизма, vs латиноамериканское повествование о необычайном, а внутри второго явления: магический реализм vs чудесная реальность. В современном литературоведении эти два понятия часто не различаются, что не вполне корректно.

На основе подхода А. Льярены предлагается разграничить магический реализм (линия А. Услара Пьетри, М.А. Астуриаса, Г. Гарсиа Маркеса, М. Скорсы) и чудесную реальность (А. Карпентьер) как две формы взаимодействия реального и чудесного в пространстве текста. Для магического реализма справедлив феноменологический подход к интерпретации чудесного, для чудесной реальности – онтологический. Суммировать особенности можно следующим образом.

Чудесная реальность: чудесное есть органическая часть реального, его составная часть, это моносубъектная категория. Чудесное мира романа для персонажа органично, для читателя — удивительно. Чудесное и реальное — единое неделимое целое, поскольку латиноамериканское реальное — чудесно.

Магический реализм: чудо естественным образом проникает в реальность в рамках текста, взаимопроникновение реального и чудесного показано

обыденно: читатель удивляется не факту наличия чуда, а тому, сколь органично, обыденно оно показано и воспринимается персонажами. Чудесное и реальное представляют собой две самостоятельные сущности, которые находятся в отношениях дополнительности.

Литература

1. Кофман А.Ф. Проблема «магического реализма» в латиноамериканском романе // Современный роман. Опыт исследования / под ред. Цургановой Е.А. М.: Наука, 1990. С. 183-200.
2. Llarena A. Realismo mágico y lo real maravilloso: una cuestión de verosimilitud: espacio y actitud en cuatro novelas latinoamericanas. Hispamerica, 1997. 333 p.
3. Scheffel M. Magischer Realismus. Die Geschichte eines Begriffes und ein Versuch seiner Bestimmung. Tübingen: Stauffenburg-Verl., 1990. 194 s.
4. Shaw D.L. Nueva narrativa hispanoamericana. Madrid: Cátedra, 1981. 247 p.

Ковалев Б.В., Санкт-Петербургский государственный университет, ассистент, кафедра романской филологии;

E-mail: bvkovalov@yandex.ru

В.М. Кузнецова (Москва)

Трансформация фантастического в рассказах В.Я. Брюсова «В зеркале» и Ш. Гилман «Желтые обои»

Рассказ «В зеркале» был написан В.Я. Брюсовым в 1902 г. и вошел в его сборник «Земная Ось» (1907). Упадок, безумие и деградация человеческой личности становятся его главными темами, однако «В зеркале» выделяется среди других произведений игрой с гендером нарратора: повествование ведется от женского лица. Героиня рассказывает о встрече со своим двойником, женщиной, живущей в старинном зеркале. Несколько раз она меняется с ней местами, постепенно теряя представление о реальности. В совокупности с подзаголовком «из архива психиатра» можно проследить связь этого рассказа с важным медико-социальным феноменом эпохи модерна — женской истерией. Под этот диагноз подводились самые разные расстройства — от кажущегося нетипичным и неприемлемым поведения до депрессии и шизофрении. Данный контекст позволяет лучше понять состояние героини, которая переживает острое неудовлетворение своей жизнью и браком.

Фантастическое, таким образом, уже не существенно для Брюсова само по себе, оно становится своеобразным проводником, «зеркалом», отражающим глубинные переживания и вытесненные желания, получает устойчивую связь с проблематикой человеческой психики и подсознания.

К фантастическим элементам для изображения женских переживаний и описания положения женщины в социуме обратилась и американская писательница-феминистка и социолог Шарлотта Гилман. Ее также интересовало отражение болезненных проявлений психики, трактуемых как

истерия или безумие. В 1890 г. она создает рассказ «Желтые обои» (опубликован в журнале «The New England Magazine» в 1892 г.), основанный на фактах собственной биографии. Изолированная в комнате с желтыми обоями молодая женщина, страдающая от послеродовой депрессии, постепенно начинает различать за узором обоев своего двойника — маленькую, заточенную женщину, которая стремится выбраться наружу. Развитие фантастического сюжета, как и у Брюсова, в итоге объясняется нарастающим психическим расстройством героини. Гилман изображает безумие рассказчицы как способ протеста против медицинского, семейного и профессионального угнетения женщин. Рассказ также строится как повествование от первого лица и оформлен в виде дневника.

Вряд ли Брюсов был знаком с творчеством Гилман, но переклички между «Желтыми обоями» и «В зеркале» демонстрируют общий историко-культурный контекст, в котором традиции фантастической литературы, прежде всего, в жанре новеллы, соединились с интересом к женской проблематике и развивающейся психиатрии. Можно предположить, что творчество Эдгара Алана По выступило для Гилман и Брюсова посредником, так как его влияние прослеживается у обоих авторов.

Кузнецова Влада Михайловна, студент 2 курса, факультет гуманитарных наук, Школа филологии, НИУ ВШЭ, г. Москва.

E-mail: ladakuz07@mail.ru

А.В. Масленникова (Москва)

**Проблема анализа воображаемого в романе Г. Яхиной *Дети мои*:
потенциал использования гибридной методологии**

Актуальность междисциплинарных исследований категории воображаемого применительно к литературно-художественному тексту определяется тем, что имеет достаточно давнюю традицию как в европейском, так и русском литературоведении. Воображаемое как литературоведческую категорию было бы правомерно определить согласно одной из нескольких хорошо известных философских концепций Ж.П. Сартра, В. Изера, Ж. Лакана или Р. Барта. В отечественной же традиции понимание данного термина представляется связанным с осмыслением эпохальных изменений в культуре. Большинство исследователей романа «Дети мои» Г. Яхиной, анализируя присутствующие в нём нереалистические мотивы, предпринимали попытки их осмысления с точки зрения проявления фантастического в литературе или описывали художественную образность в романе с помощью постмодернистской терминологии, сопоставляя роман с каноническими образцами магического реализма. Исходя из определения фантастического Ц. Тодоровым и магического реализма Х. К. Шранц, использование данной терминологии представляется проблематичным. Применение *гибридной методологии* (нарратологический

анализ и философская методология) к анализу темы остановленного времени в креативном воображении протагониста позволяет обозначить междисциплинарные подходы к анализу поэтики романа в контексте литературно-культурных тенденций XXI в. Сообщение метафизических коннотаций реципиенту может быть рассмотрено как *эффект отмеченности качеством настоящего*, следуя терминологии Р. Херманна.

Масленникова А.В., Ph.D, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Московского университета им. С.Ю. Витте

E-mail: maslengelina@yandex.ru

А.В. Мартынов (Москва)

Фантастика как реальность в рассказе Владимира Семенова «Заседание Адмиралтейств-коллегии (рождественская сказка)»

Рассказ писателя, переводчика, капитана 1-го ранга В.И. Семенова (1867–1910) интересен органическим сочетанием фантастики и реальности. Он посвящен заседанию, Адмиралтейств-коллегии под председательством Петра I, на котором собрались живые и умершие флотоводцы, желавшие понять причины поражения в русско-японской войне и выяснить, что сделано, чтобы оно не повторилось в будущем. В итоге всем становится понятно, что флот к новой войне не готов.

В своей новелле (1909 г.), написанной в форме готического романа, Семенов, следуя традиции Г. Уэллса, стремившегося через фантастическую фабулу рассмотреть проблемы современного ему общества, критиковал политику морского министерства.

Сопоставление текста рассказа с реальной деятельностью министерства, несмотря на то что некоторые, свидетельствующие в пользу руководства ведомства факты, автором были опущены показывает, что в целом описанная в «Заседании» ситуация соответствовала действительности.

Мартынов А.В., кандидат философских наук, с.н.с. Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

E-mail: martyynov@yandex.ru

С.В. Минасян (Москва)

Невозможные игры в творчестве Бориса Виана (1920–1959)

На протяжении всего творческого пути французский писатель Б. Виан представляет игру как неотъемлемую составляющую пространства своих произведений. Игра в вымышленных виановских мирах может инициировать погружение в фантастическую реальность произведения или же создавать

дополнительные штрихи, все дальше уводя читателя на отдаленные тропы нереальной реальности. В фантастическом пространстве игра вызывает колебание и обретает невозможные черты. Речь может идти о мистификации (игра в пентюх в «Красной траве» — это переименованная игра в гольф) или о вполне реальной детской игре в машинки, но в квартире, охваченной пожаром («Пожарники»). Виан переосмысливает, а часто и изобретает правила игр, шокирующих и не существующих в реальности: игра в классики с распятием в «Пене дней», жестокая игра в кровянку в романе «Красная трава». Фантастическая ситуация может быть снижена за счет реальной игры: бой с дьяволом в церкви проходит как боксерский матч («Сердцедер»). Само возникновение игры может быть обусловлено фантастическим вмешательством: дети, которые обретают способность летать в романе «Сердцедер». Ряд примеров демонстрирует, что существование виановского мира невозможно без игры, стремящейся к крайности. Игра становится своеобразной скорлупой, которая защищает героев от действительности, формирует их фантастический мир. Без игры нет жизни, а игра в жизнь заканчивается там, где за чертой фантастического начинается царство абсурда. Скоротечным столкновением с реальностью становится смерть.

Минасян С.В., к.ф.н., с.н.с. Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН
E-mail: suffi@mail.ru

Т.А. Протасов (Тюмень)

Переход от модальных к дейктическим мирам в фантастике А. Азимова и Ф. К. Дика

Миры художественной литературы давно стали объектом интереса когнитивной поэтики — см. теорию возможных миров М.-Л. Райан или теорию текстовых миров П. Вёрта и Дж. Гэвинз. Фантастика в этом плане предлагает наиболее удивительные и «когнитивно чуждые» миры (Д. Сувин), в которых «фантастическое допущение» влияет на весь художественный мир (У. Эко, Г. Л. Олди). При этом с точки зрения самих фантастических миров происходящее в них зачастую реально. Тем не менее и в них можно выделить «возможные» миры — модальные миры сновидений, мечт или фантазий героев, которые могут стать «действительными» или «ложными».

Используя наработки когнитивной поэтики, в данном докладе я бы хотел обратить внимание на меняющийся онтологический статус модальных миров в рассказе Ф. К. Дика «Мы вам всё припомним» — где граница между сновидениями и реальностью стираются — и в детективном романе А. Азимова «Стальные пещеры», где главный герой представляет различные варианты совершённого преступления.

Идея «воображаемых миров» так или иначе находила отражение в философии, культуре и языке: *фрейм, схемата, картина мира, когнитивное*

осмысление (cognitive construal [Langacker, 1987]), ментальное пространство [Fauconnier, 1985], ментальный мир [Степанов, 1997, с. 131]; обобщают эти наработки *теория возможных миров* [Ryan, 1991] и *теория текстовых миров* [Werth, 1999; Gavins, 2007].

Возможные миры — это утверждения о мире, логически (или даже онтологически) отличающиеся от реального мира (= состояния событий). Любой возможный мир так или иначе будет основываться на действительном мире, что Райан называла *принципом минимального отклонения* [Ryan, 2005]. Помимо собственно *действительного* и *возможных* миров (как возможных вариантов действительного), которые формируют действительную вселенную, возможна художественная вселенная, с точки зрения которой тоже существует действительный мир и его варианты — возможные миры.

Теория текстовых миров возникла позже и частично вобрала в себя наработки теории возможных миров, хотя была создана в рамках литературной и когнитивной лингвистики, поэтому лучше отражает некоторые моменты текстового анализа. Сам текстовый мир — «это дейктическое пространство, определяемое самим дискурсом, а также его дейктическими и референтивными элементами» [Werth, 1999, с. 20; пер. с англ. мой — Т. А.]

Собственно термины «дейктический» и «модальный» миры взяты из теории текстовых миров. Дейктический мир — это мир «объективной реальности» (см. действительный мир Райан), конструируемый в языке при помощи *дейктической лексики*, которая выражает «место и группу людей, объектов, событий, процессов и действий, о которых идёт речь, либо на которые ссылаются, в соответствии с *место-временным контекстом*, который был создан, и который поддерживается *речевым процессом* и участием в нем, обычно, одного говорящего и как минимум одного слушателя» (см. хронотоп М. М. Бахтина). *Дейктические* миры — это собственно текстовые миры, которые строятся в разуме читателя (или слушателя), основываясь на представленной дейктической информации. Обычно такие миры состоят из повествования и описания в авторской речи или речи рассказчика (что может накладывать некоторые субъективные особенности, но об этом попозже).

Модальные миры отличаются от дейктических миров тем, что они в меньшей степени полагаются на дейксис, а создаются выражениями модальности. Модальные миры в какой-то мере схожи с возможными Райан, потому что отражают не действительную (насколько это возможно) реальность, а отношение говорящего (или мыслящего) персонажа. Такие миры конструируются внутри текстового мира при помощи лексики и выражений, отражающей *желание, долженствование* или *верование*. Выделяют следующие (и не только) типы модальности в языке: *буломайческую* (желание), *эпистемическую* (верование) и *деонтическую* (долженствование).

«Стальные пещеры» (впервые опубликованы в оригинале в 1953 г.; рус. перев. — 1969 г., Ф. А. Розенталь) представляют относительно традиционный переход модальных миров в дейктические. Во-первых, как детектив, главный герой Элайджа Бейли размышляет (в форме рассуждения) о произошедшем убийстве Роджа Наменну Сартона, составляя последовательно три версии событий, отбрасывая одну за одной неверные, пока не останавливается на единственно

верной в финале. Все гипотезы представляют собой эпистемические модальные миры — миры верования, которые отличаются степенью детализированности. По наполнению дейктической информацией они похожи на текстовые дейктические миры, возможно, потому что они таковыми являются с точки зрения Бейли, но доступны они только для него. Похожим образом теория текстовых миров применяется в лингвистической экспертизе, где стоит задача определить чья версия (текстовый мир) действительна или хотя бы ближе других к действительности (мир дискурса). Это предполагает выделение фактической информации из свидетельств, но модальность тоже приходится учитывать [Canning и др., 2021].

1. Бэйли достаточно параноидален, поэтому он изначально не доверяет космонавтам (Фальстольфу и Оливо) и не верит в убийство, что создаёт *отрицательный* эпистемический мир, в котором Р. Дэниэл Оливо не андроид, а убийство не состоялось. Однако в теории текстовых миров в *отрицательных* модальных мирах «несмотря на [отрицание], читатели всё равно создают ментальную картину, где персонаж выполняет эти действия. Содержание этого мира выходит на первый план, потому что его нужно сперва представить, прежде чем его отрицать» [Gavins, 2007, с. 102].
2. Согласно второй версии Бейли, убийство было совершено, но самим Р. Оливо, поскольку Бейли не верит в законы робототехники (в частности, что «Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинён вред» [Азимов, 2010, с. 492]). В этом моменте можно отметить фантастичность текстовых миров «Стальных пещер», поскольку они строятся именно на этих трёх законах.
3. Финальная (корректная) версия включала раскрытие заговора медиевистов, в котором участвовали жена Бейли, Джезебель, и его начальник — комиссар Бейли, который из-за своей близорукости по ошибке убил Сартона вместо Р. Д. Оливо.

Модальные миры «Мы вам всё припомним» представляют скорее миры желаний и сновидений. Сначала Дугласу Куэйдю снится Марс, после которого у него остаётся навязчивое желание туда съездить, что не оказывается возможным. Но в текстовом/действительном мире произведения существует технология, которая вживляет ложные воспоминания о несуществующих событиях (возможно, это дешевле, чем само путешествие на Марс). Уже сама эта технология превращает булумаические миры желаний/грёз в эпистемические модальные миры — люди начинают верить, что внедрённые им воспоминания верны.

Обе попытки внедрить герою воспоминания на основе его потаённых желаний (сперва — о путешествии на Марс, потом — о спасении инопланетян) сводятся к тому, что эти события уже происходили с Куэйдом, просто воспоминания о них впоследствии стирали (видимо, недостаточно хорошо).

Модальные миры многочисленны и присутствуют во многих произведениях, не только фантастических. Их детальный анализ обычно усложняется природой подобных миров, потому что они более абстрактны, но не менее сложны по структуре, а создавать их может одно слово или выражение.

Мы рассмотрели примеры, когда модальные миры

- 1) составляют основу произведения
- 2) и предполагают изменение статуса из модальных в действительные.

Модальные миры расширяют многомирие произведения, не только наполняя его желаниями и верованиями героев (как в данных произведениях), но и дополняя действительный мир произведения.

Источники

1. Азимов А. Стальные пещеры // Я, робот.: фантастические произведения / А. Азимов; пер. с англ. М.: Эксмо, 2010. С. 443–602.
2. Новикова Н.С., Черемисина Н.В. Картины мира и многомирие в языке и поэтическом тексте // Русская словесность. 2008. № 1. С. 2–6.
3. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Яз. рус. к-ры, 1997. 824 с.
4. Canning P., Ho Y., Bartl S. Worlds of evidence: Visualising patterns in witness statements in the aftermath of the Hillsborough football stadium disaster // ETC. 2021. Т. 14. № 1. С. 25–67.
5. Fauconnier G. Mental Spaces. Cambridge: Cambridge University Press. 1985.
6. Gavins J. Text World Theory: An Introduction. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2007.
7. Langacker R. Foundations of Cognitive Grammar. Stanford, California: Stanford University Press, 1987.
8. Ryan M.-L. Possible Worlds, Artificial Intelligence, and Narrative Theory. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1991.
9. Ryan M.-L. Possible-Worlds Theory // Routledge Encyclopedia of Narrative Theory / под ред. D. Herman, M. Jahn, M.-L. Ryan. Routledge, 2005. Вып. 1. URL: <http://www.log24.com/log05/saved/050822-PossWorlds.html>
10. Werth P. Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse / ed. by M. Short. N.-Y.: Pearson Education Inc., 1999.

Протасов Т.А., к.ф.н., старший преподаватель, Тюменский государственный университет

E-mail: t.a.protasov@utmn.ru

В.С. Сергеева (Москва)

Историческое воображение и детская историко-фантастическая литература

Исследование выполнено в рамках гранта РНФ № 24-78-10093 «Поэтика пространства: кросскультурные связи русской и зарубежной фантастической литературы», <https://rscf.ru/en/project/24-78-10093/>

В исторической прозе воображение играет особую роль: оно помогает создать убедительную, связную картину происходящего, с соблюдением баланса между

сухим изложением фактов и ничем не ограниченным вымыслом. Автор выполняет двойную задачу — реконструирует существующее (исторические лица, реалии) и создает новое (квазиисторические персонажи, события, не имеющие аналогов в истории, и т.п.). Художественное произведение может как послужить познанию истории, так и стать средством формирования субъективной картины прошлого, нового национального или культурного мифа. Несомненно, на организацию произведения влияют и господствующие историографические тенденции (так, историческое воображение в советской литературе обусловлено представлениями о классовой борьбе и смене формаций, в современной — больше ориентировано на микроисторию и воспитание читательской эмпатии), и нравственно-дидактический посыл автора, что особенно важно для детско-подростковой литературы, и эстетические суждения о прошлом. Если речь идет об относительно недавних событиях, на первый план нередко выступают личные и семейные воспоминания, которые, в свою очередь, нуждаются в осмыслении и связи; макрокультурные модели, касающиеся более отдаленного прошлого, могут быть почерпнуты из медиа и научно-популярной литературы; официальный нарратив часто воплощен в школьном учебнике. Исторически и культурно значимые места — Москва, Санкт-Петербург, Владимир, Екатеринбург — служат материалом «литературного краеведения», позволяя героям не только выполнить свою задачу (что существенно для жанра хронопутешествия), но и соприкоснуться с прошлым через собственную, так или иначе прочувствованную связь с важным локусом.

Сергеева В.С., к.ф.н., с.н.с. отдела теории литературы ИМЛИ РАН
E-mail: yogik84@mail.ru

Е.В. Склизкова (Москва)

Сновидческое пространство в конструировании вторичной реальности: на материале «Рассказы сновидца» лорда Дансени

Фэнтези — экзистенциальная эклектика с иерархией иномирья в виде сна, зазеркалья и т.д. Лорд Дансени рассматривал сон как состояние, высвобождающее человеческое сознание, канал погружения в иное. Сборник «Рассказы сновидца» нарочито странен, среднее между видением, бредом и фантазиями. Он не является ни единым произведением, описывая разрозненные микровселенные, ни явной отсылкой ко сну.

Онейрическое пространство дробно, реальные и фантастические локации наезжают друг на друга. Повествование часто идет от первого лица через призму восприятия сновидца, но со слов жителей иных миров, которые воспринимают наш, как сказку (это могут быть и предметы: пробка, веревка, чайник и т.д.).

Урбанистическое пространство становится отдельной гранью сновидения. Персонифицированные города открываются через собственные сны, варьируясь

по древности, оторванности от внешнего мира. Море, пустыня, горы и т.д., которые видятся чуждой динамичной силой, противопоставлены замершему миру города. Сны мимолетны, связаны с высшими силами, могут быть пугающими, и пробуждение является благом. Видеть и интерпретировать сны становится способностью и искусством.

Сон является органичной составляющей фэнтези, также будучи проекцией мифа. Сновидения дают необходимую множественность реальностей, создают еще более причудливые миры. В онейрическом пространстве превалирует образность, избыточная визуализация, символичность, нелогичность, эмоциональность, размытость пространственно-временного континуума.

Склизкова Е.В., канд. культурологии, доцент РГУ им. А.Н. Косыгина
E-mail: katunyas@yandex.ru

Н.Н. Смирнова (Москва)

О воображаемом: фантастические элементы в нефантастическом повествовании

Когда мы говорим о фантастическом и нефантастическом, то в первую очередь говорим о воображаемом мире и о том, что воображаемое имеет свойство бесконечно повторяться во множестве вариаций, как в сложной системе зеркал, в постоянном взаимоотражении.

В современной литературе рефлексия на эти темы возникала постоянно. После теорий интертекстуальности уже невозможно просто рассказывать, не оглядываясь на тысячелетнюю историю других рассказов. В самом произведении автор пытается исследовать природу воображаемого, рассказывая историю и одновременно размышляя о ней со стороны. Или выстраивая параллельно своему рассказу другой, воображаемый.

Фантастическое часто возникает как элемент такого рассказа, подчеркивая его двойственность: отнесенность к бывшему в памяти автора и к бывшему в большой Истории, которое уже есть сфера воображаемого более, чем воспоминаемого (если вспомнить хорошо известное разграничение поэзии и истории у Аристотеля).

В докладе рассмотрены принципы связи фантастического и воображаемого в «Изобретении одиночества» (*The Invention of Solitude*, 1979–1981) и «Нью-Йоркской трилогии» (*The New York Trilogy*, 1981–1984) Пола Остера (1947—2024).

Смирнова Н.Н., доктор филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького

E-mail: nnsmirnova@mail.ru

Л.С. Соколова (Москва)

«This tale grew in the telling»: Пролог как ключ к игре с читателем в романе Дж.Р.Р. Толкина «Властелин колец»

«Властелину колец» Дж.Р.Р. Толкина — в отличие от «Хоббита», продолжением которого он изначально задумывался — свойственна сложная система фокальных персонажей и повествовательных уровней. Наиболее заметна эта система в Прологе и Приложениях к роману. В докладе рассмотрена функция Пролога в общем замысле «Властелина колец». Доказано, что задача Пролога — не только познакомить читателя с контекстом изложенных в романе событий. Пролог встраивает роман в традицию, создает сложную игру реальность–фикция, связывает Вторичный Мир Средиземья с Первичным Миром, а также усиливает реалистичность изложенных в романе событий за счет эффекта узнаваемости и создает задел на будущую публикацию «Сильмариллиона». Пролог и Приложения формируют кольцевую композицию и намеками вводят в текст образ автора-составителя. По мере того, как в замыслах Толкина простой линейный сюжет вырастает до многоуровневой системы текстов в тексте, «Властелин колец» перестает быть сказочным продолжением «Хоббита» и становится фэнтези-романом.

Соколова Л.С., аспирант Отдела теории литературы ИМЛИ РАН
E-mail: solar2000@inbox.ru

Н.И. Стеркина (Москва)

Воображаемые пространства (по произведениям А. Погорельского «Посетитель магика» и К. П. де Корнелиано «История Вечного жида, рассказанная им самим»)

В докладе соотносятся два произведения девятнадцатого века, где авторы, пользуясь легендой об Агасфере, который был наказан бессмертием и обречен был вечно скитаться, создают воображаемые пространства.

В рассказе А. Погорельского можно выявить четыре уровня, обусловленные точкой зрения персонажей и автора. Взгляд автора — комната Агриппы. Взгляд Вечного Жида — кладбище. Пространство, появившееся в чудесном зеркале философа — видят оба персонажа. Картина в комнате философа (путь Христа на Голгофу, где изображен Агасфер) — видят оба персонажа. Ограничив пространство комнатой философа Корнелия Агриппы, Погорельский с помощью магического предмета (зеркала) и элемента убранства комнаты (картины) создал фантастическое пространство.

К. П. де Корнелиано дал своему роману подзаголовок «Краткий и правдивый абрис удивительнейшего путешествия, продолжавшегося почти 18 столетий».

Автор, придумав такую концепцию, мог рассказать и о Калигуле, и о Людовике XIV, о Риме, и о Париже, о графе Калиостро, и о Дон-Кихоте. Исторические персонажи в воображаемом пространстве, воображаемые персонажи в псевдореальном пространстве действуют в романе-приключении, в просветительском романе...

Оба произведения являются яркими образцами фантастической литературы, основой которой является воображение.

Стеркина Н.И., старший преподаватель кафедры русского и иностранных языков (ВГИК), член Союза писателей Москвы, член редколлегии журнала «Знание-сила»

E-mail: nataliasterkina@yandex.ru

В.В. Сурков (Москва)

**Книги А. Линдгрена «Мио, мой Мио» и «Братья Львиное Сердце»
и теория воображения в литературе Швеции**

В сказочных книгах А. Линдгрена элементы фантастики зачастую вторгаются в реальную действительность. В романах «Мио, мой Мио» и «Братья Львиное Сердце», где «проводником» в фантастический мир становится детское воображение: выход за границы реальности позволяет им преодолеть её неразрешимые обстоятельства.

Помимо непосредственно сказочной традиции, художественный мир писательницы формируется под воздействием взглядов на феномен воображения, складывавшихся в Швеции с начала XIX в. Поэт-романтик Э.Г. Гейер в трактате «О силе воображения» подчёркивал, что фантазия — признак свободного мышления и утверждал, что она «не страшится перед бесконечным». Связь фантазии с детским, творческим и народным началами осмыслена во второй половине XIX в. в лирике В. Рюдберга. Кроме того, в своих лекциях об искусстве он говорил о необходимости правдоподобия фантастических картин. На рубеже столетий под знаменем воображения как антитезы бытовой реальности выступают неоромантики. В. фон Хейденстам в эссе «Логика воображения» утверждал, что художественное творчество становится результатом невоплощённых идей, возникающих в воображении. Соответствия с их идеями прослеживаются в произведениях А. Линдгрена. Воображаемые миры её героев-рассказчиков складываются из воспоминаний об их реальном опыте. Волшебная страна в обоих книгах становится местом, где герои приобретают всё то, чего им не хватает в реальности. А сами герои — свободные личности, они демонстрируют желание вырваться из привычной среды.

Сурков В.В., к.ф.н., научный сотрудник ИМЛИ РАН

E-mail: surk.vladislav@yandex.ru

О.И. Федотов (Москва)

**Лирическое путешествие к Марсу и его спутникам («Планетарий»
Юрия Линника)**

В 1996 г. в Петрозаводске была опубликована книга стихов выдающегося философа-космиста, сонетиста и стефанолога Юрия Линника «Планетарий». Защитив докторскую диссертацию на тему «Эстетика Космоса», ее автор органично совмещал свои философские штудии с поэтическим творчеством. Опираясь на глубокие познания в области астрономии, естествознания, истории, эстетики и культурологии, он дополнял их оригинальными космогоническими идеями в сочетании с яркими фантастическими образами. Излюбленной жанрово-строфической формой его лирики в целом и, естественно, в данном сборнике, с характерным подзаголовком «сонеты о космосе», было классическое 14-стишие, фрактальную структуру которого он проецировал на гармонию мироздания. Один из составляющих «Планетарий» циклов посвящен лирической Одиссее по всем планетам Солнечной системы в последовательности их удаленности от Солнца по возрастанью (от Меркурия до Плутона). Особый интерес для космистов Серебряного века и их последователей в конце XX – нач. XXI вв. представлял и представляет собой поныне Марс как самый вероятный объект колонизации землянами. В частности, А.Н. Толстой опубликовал в 1921–1923 гг. фантастический роман «Аэлита». Линник, отчасти опираясь на него, отчасти на роман классика американской фантастики Эдгара Райса Берроуза «Принцесса Марса» (1917), а также на античные мифы об Атлантиде, изложенные Платоном в диалогах «Тимей» и «Критий», и на достижения современной астрофизики и уфологии, воспроизводит собственную оригинальную концепцию извечного единства Вселенского разума, стремящегося к гармоничному синтезу. В образный ряд при восприятии красной планеты вовлекаются и ее знаменитые каналы, и даже артефакт по имени «Сфинкс». Поэт производит парадоксальную рокировку, в результате которой усредненный сфинкс с берегов Нила предстает перед нами не более, чем «репликой» марсианского «оригинала». Иными словами, колонизаторами, получается, были посланцы малой по отношению к Земле планеты.

Федотов О.И., д.ф.н., профессор кафедры русской классической литературы
Института филологии МПГУ

E-mail: o_fedotov@list.ru

А.В. Шаравин, И.Л. Старцева (Брянск)
Я.О. Резаков (Щелково)

**Особенности воплощения вторичной реальности: взаимодействие
эпопейной жанровой тенденции «Войны и мира» Л. Толстого
с модификациями фантастики и фэнтези**

Доклад посвящен анализу способов воплощения вторичной реальности в современной фантастике и фэнтези через диалог с эпопейной жанровой моделью романа «Война и мир» Льва Толстого. Рассматривается, каким образом толстовский канон выходит за пределы классического текста и начинает функционировать как активная структура жанровых модификаций, формирующая альтернативные, мифологические и метатекстовые художественные миры.

Материалом исследования послужили произведения, представляющие различные трансформации фантастического дискурса: альтернативно-исторический роман Скальда «Чёрный гусар. Война и мир», славянское историко-мифологическое фэнтези Дарьи Раскиной «Война и потусторонний мир» и метатекстовая фантастика «Триумвират. Миссия: спасти Наполеона» Александр Гриценко, Николай Калининченко и Андрей Щербак-Жуков.

Показано, что эпопейность «Войны и мира» в этих текстах выступает не как объект стилизации, а как модель метатекста, в которой художественное воображение, философия эпохальных событий и скрытые идеологические структуры вступают в диалог. При этом актуализируются исторически проектируемое и вторичная эстетическую реальность, определяющую масштаб повествования, историософию войны и способы соотнесения личного и общенародного опыта в режимах конструирования сложной концепции авторства в жанрах альтернативной фантастики и фэнтези.

В статье выделяются три режима актуализации толстовского канона — нормативно-эпопейный, погранично-онтологический и метатекстовый, — позволяющие рассматривать классический роман как продуктивный механизм построения вторичных миров и как источник жанровых трансформаций в литературе XXI в.

Шаравин А.В., д.ф.н., проф. кафедры русской, зарубежной литературы и массовых коммуникаций Брянского государственного университета им. ак. И.Г. Петровского

Е-mail: ekllier@mail.ru

Старцева И.Л., к.п.н., доцент кафедры русской, зарубежной литературы и массовых коммуникаций Брянского государственного университета им. ак. И.Г. Петровского

Е-mail: kafedra338@mail.ru

Резаков Я.О., к.ф.н., независимый исследователь

Е-mail: ric.darko@mail.ru